

Дмитрий Лекух

Туман на родных берегах

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964634
Лекух, Дм. Туман на родных берегах : АСТ; Москва; 2012
ISBN 978-5-17-077220-9*

Аннотация

Красные проиграли гражданскую войну, в Германии пришли к власти коммунисты, а Гитлер прославился как художник-модернист. Так ли уж меняется мир от перемены мест слагаемых? – спрашивает нас Дмитрий Лекух. Его эксперимент в жанре «альтернативная история» – это умный, точный и хлесткий текст и, как всегда, неповторимый стиль.

...Полковнику Никите Ворчакову поручили расследовать убийство крупного военного чина, которого расстреляли вместе с целым взводом охраны. Это не просто дерзкое преступление, это вызов безопасности могущественной Российской Империи и лично ее Великому вождю – Валентину Петровичу Катаеву.

Книга вошла в лонг-лист премии «Национальный бестселлер».

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	24
Глава 6	26
Глава 7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дмитрий Лекух

Туман на родных берегах

*В третьем тысячелетье
Автор повести
О позднем Предхиросимье
Позволит себе для спрессовки сюжета
Небольшие сдвиги во времени —
Лет на сто или на двести.
Давид Самойлов. Свободный стих*

Пролог

Ворчаков спал.

Спал и летел одновременно.

Так иногда бывает во сне.

Особенно, если этот сон — в небе.

Удивительное, кстати, чувство.

Какая-то странная свобода — от всего, от всех обязательств, кроме обязательств полета.

Свобода от правил и законов, включая закон всемирного тяготения.

Будто тебя только что освободили с каторги. И не думайте, что это пустые слова.

Если бы!

Собственно говоря, хотя за свою, не такую уж длинную жизнь, Ворчаков ни разу не был на каторге в качестве воспитуемого, судить о ней он мог со знанием дела, — в том числе и об освобождении.

Но он об этом не думал.

По крайней мере — сегодня.

Сегодня он просто летал...

...Нет, не падал, как это случается при небольших, не очень опасных, по словам врачей, но все же не рекомендуемых сердечных перегрузках, вызванных неизбежным при его служебной деятельности нервным истощением. Хотя, разумеется, с нервным истощением при его профессии тоже, вне всякого сомнения, все было в порядке, — сердце пока выдерживало.

Поэтому он и не испытывал чувства падения.

А просто летал.

Как в детстве.

Как во сне.

И сон его был подобен полету, а полет — сну, отчего он по-детски причмокивал губами.

Самое интересное, — ему и снилось, что он летит, но при этом он понимал, что делает это в волшебном пространстве сна.

И в этом сне он был всемогущ.

Так тоже бывает.

И тоже скорее в детстве...

...Вождь, в юности, говорят, писавший неплохие стихи в духе модных тогда акмеистов, теперь выдернувший его телеграммой с пометкой «молния» в древнюю столицу Империи, как-то рассказывал, что по их одесским поверьям такие счастливые, радостные сны, — худшие предвестники самых грозных событий. Может, именно поэтому сам Канцлер таких, «радостных» снов, как и любых других знаков судьбы мистически боялся, о чем тогда, в

минуту слабости, свойственной порой даже самым великим и несгибаемым людям, и поделился с одной из своих верных гончих.

Боялся и не доверял.

Не доверял и боялся.

Не Ворчакова, разумеется.

Снов...

Вождь много чего боялся, в том числе того, что со временем о его страхах станет известно за пределами «ближнего круга». Но Никита, будучи, в силу своей профессиональной деятельности, человеком насквозь прагматическим, подобного рода суеверия начисто отметал.

За исключением тех случаев, когда дело касалось пресечения слухов о тайных фобиях Вождя.

Вот это как раз – не шутки.

И – никакой мистики.

Это могло повлиять на безопасность Вождя и Империи, это было серьезно и входило в круг профессиональных обязанностей Ворчакова.

А все остальное – подлежало «вынесению за скобки».

Молча, разумеется.

С вождями не спорят...

...Нет, в сами-то «вещие сны» он, конечно, верил.

Глупо было бы.

Не верил он в их легкое «одесское» толкование: кто бы ни кодировал эту божественную шифровку, вряд ли рассчитывал на то, чтобы ею так легко могли пользоваться и разгадать первые встречные профаны. И хотя Никита понимал, что Вождь – отнюдь не первый встречный и уж тем более не профан, а как минимум самый что ни на есть настоящий гений Возрожденной Русской земли, – Ворчаков все равно не верил: издержки профессии.

Ну, да и Бог с ним.

Или боги.

Наши славянские боги...

...Позади оставались суетливое и страстное прощание со скучающей без мужа томной баронессой фон Штольц, четыре часа на тяжелом открытом авто по скользкому от дождя серпантину с краткой остановкой у живописной татарской чайханы, где ему удалось не спеша выкурить папиросу и посидеть в легкой задумчивости над стаканом кислого молодого вина.

Суэта в небольшом, но неудобном и грязноватом здании симферопольского Императорского аэропорта. Как всегда суетное, несмотря на должности и полномочия, оформление огромного количества постоянно сопровождавшего его багажа: чтобы как следует, со вкусом, раздеть какую-нибудь скучающую и оттого внезапно доступную светскую красавицу на отдыхе, нужно как минимум уметь одеваться.

К счастью, одеваться Ворчаков не только умел, но и любил.

Он вообще неплохо относился к своей неповторимой персоне с ее, как ему казалось в те минуты, когда Ворчаков был сам себе симпатичен, неповторимой, мужественной и привлекательной для дам внешностью. И потому старался следить за своим физическим состоянием на досуге не менее бдительно, чем следил за врагами Отечества, находясь на государственной службе.

Поэтому, мягко говоря – багаж был.

И немаленький.

И это – только то, что Никита счел «предметами первой необходимости» во время вынужденной командировки в Москву. Остальное ушло обратно в столицу, в благословен-

ный град Петра Строителя, в старинный особняк на Васильевском острове контейнером, – по железной дороге, через Екатеринодар.

Позади оставался как всегда чересчур короткий и оттого суетливый отпуск.

На службе Ворчаков суетиться не любил: ищейку кормят ноги и нюх, но сам Ворчаков по лености предпочитал второе.

...Узковатое даже в дорогом салоне самолетное кресло к полноценному отдыху измученного отпуском тела не особенно располагало.

Но Ворчаков все-таки спал.

И даже улыбался.

Когда тебе без малого тридцать, ты здоров, физически развит, родовит, богат, отлично образован и последние недели проводил большей частью на свежем воздухе, – спится легко.

Даже если тебя грубейшим образом вырывают из законного отпуска.

Ничего.

Позже догуляем.

Когда настанут такие времена и мировые разведки перестанут вести свою хитроумную игру, когда перестанут фрондировать собственные вояки и Троцкий со товарищи перестанет наконец засылать на территорию Великой Империи своих агитаторов и диверсантов.

Когда успокоятся проклятые британские островитяне и их американские родственники в С.А.С.Ш.

Когда народные избранники в Пятой Государственной Думе научатся наконец думать об избравшем их народе Великой России, а не о собственном благополучии. Когда уймутся и перестанут мечтать о захвате власти внутренние заговорщики.

И когда ему, Никите Ворчакову, удастся повесить последнего из числа непрерывно вертящихся вокруг доверчивого Вождя политиков – предателей идеалов русского национального единения.

Пока живешь – надеешься.

Глава 1

Разбудила его горничная, обслуживавшая первый салон новенького, пахнущего свежей краской двухмоторного «Туполева-24АМ», который разрабатывался как военный транспортник, но из-за своей дороговизны и малой вместимости салона в военной авиации не прижился, зато оказался весьма востребованным в гражданской.

Хорошенькая горничная.

Пухленькая.

Она поинтересовалась, что господин полковник Имперской безопасности изволит откусать на горячее: седло барашка в травах под соусом из розмарина или половинку цыпленка табака.

Или горячего копчения ручьевую кавказскую форель с разварной картошечкой по-русски, греческими оливками и малосольными огурчиками.

Бред, конечно, с точки зрения нормального европейского человека.

И – опасный бред.

Особенно для последователя традиции, прямо запрещающей соединять и смешивать несоединимое, в том числе в кулинарии.

Но в последнее время такие «славянофильские извращения» в Империи входили в моду, и некоторые из этих экспериментов оказывались на удивление вкусны. Настолько вкусны, что их стали подавать путешествующим в первом классе цеппелинов и аэропланов «Русских авиалиний»: огромной имперской транспортной компании, занятой перемещением людей и грузов по воздуху в любые уголки Империи и за ее пределы.

Компанию возглавлял личный товарищ и соратник Вождя, Николай Николаевич Нестеров, действующий генерал интендантской службы и родной брат погибшего в далеком четырнадцатом героического летчика Петра Николаевича Нестерова.

Говорят, Петр Нестеров был юношеским кумиром Вождя, и бесталанный Николай возглавил гигантскую корпорацию лишь благодаря настойчивой протекции Канцлера. Ворчаков об этом не задумывался, его проблемой была исключительно безопасность, а с этим в «Русских авиалиниях» все было в полном порядке.

Неудивительно: роль военных в руководстве корпорации ни для кого секретом не являлась. Как и тот неумолимый факт, что в случае начала масштабных боевых действий «Русские авиалинии» автоматически переходили в подчинение Генерального штаба, под непосредственное командование главкома ВВС, соратника Байдакова, со всеми вытекающими.

Что совершенно не мешало цеппелинам и самолетам в обычной, гражданской жизни, становиться все более привычным для жителей Империи и чуть ли не повседневным для перемещающихся на колоссальные расстояния управленцев гражданским транспортом.

С этим понятно.

Баранина, цыпленок или форель.

Определимся чуть попозже...

Есть еще вопросы?

Какое вино подавать господину Инспектору к обеду?

Сразу не ответишь.

Стоит поразмышлять...

Какого вина выпить?

Красного столового?

Ледяного белого муската?

Русской водочки?

Или, допустим, шустовского коньячку?..

С рыбкой вмняемо охлажденная «смирновка» сочетается замечательно. Почти идеально.

Да и коньячок будет неплох, если его правильно дополнить долькой лимона или обильно полить лимонным соком самую нежную, бледно-розовую форель.

И обязательно после этого – дать немного подышать...

Разбудить-то горничная его разбудила.

Но инспектору неожиданно показалось, что он так и остался жить дальше там, в продолжавшем тянуться сне.

Таким странном, переполненном холодными четкими красками, как белоснежные облака, по которым стремительной вечерней водомеркой бежала, то пропадая в глубоких провалах, то возникая вновь небольшая черная тень изящного аэроплана.

Бежала то замедленно, то стремительно – так что ему стало немного не по себе.

Синева.

Безжалостная ледяная синева.

И белизна облаков.

И первозданная чернота стремительной чужеродной тени...

Ворчаков неожиданно для себя попросил бокал красного шипучего «Абрау».

Желательно – ледяного.

А лучше – бутылку.

И форель – но без картошки.

Копченую.

И – лимон.

Дурной вкус, что говорить.

Но...

Хотя – извините – нет-нет, секундочку.

Надо еще немного подумать.

...Ворчакову, если бы не крепкий и, видимо, здоровый сон, было бы немного не по себе.

Во-первых, – вчера гуляли.

Крепко, по-гвардейски.

Как и полагается случайно встретившимся на отдыхе, успевшим стать влиятельными господами, но еще не постаревшим односкамеечникам из «василеостровских гимназисток», – выпускников уютно расположившегося в здании бывшей женской гимназии знаменитого «делателя элит» – юридического факультета Императорского, имени генерала Лавра Корнилова, Санкт-Петербургского университета.

Глупость, кстати.

И многократная.

Безвременно сгинувший в Гражданскую Лавр Георгиевич мало того что человеком слыл весьма неприятным и не сильно образованным, так был еще к тому же и убежденнейшим республиканцем.

«Россия – не вотчина Романовых».

Но – тем не менее, тем не менее.

Альма матер положено любить даже такой, и далеко не в самых лучших ее проявлениях.

Хоть будущие просвещенные юристы и фрондировали, повторяя про прославленного полководца и мученика «белого движения» знаменитое презрительное «лев с головой барана», – умение пить по-корниловски считали вполне почетным.

Более того, сам ритуал студенческого «посвящения в гимназистки»...

Уже одну эту причину можно считать уважительной.

Похмелье еще никто не отменял.

Даже у директоров департаментов службы Имперской безопасности.

Во-вторых, ему все не удавалось проснуться.

Как ни старался.

Уже и кофе выпил несколько чашечек.

И умылся в узенькой аэросалонной уборной.

И покурил...

Не помогло.

Похоже, опять придется обращаться к «народным балтийским средствам».

Благо кокаин всегда под рукой, специально для таких целей приобретенный в ялтинской городской аптеке: чистый, медицинский, не какая-нибудь контрабандная польская подделка.

Пусть этим дерьмом недобитый пан Пилсудский травится: польская республика, разделяющая откровенно враждебные друг другу большевистскую Германию и Имперскую Россию, – отличный плацдарм для неизбежной в ближайшие десятилетия войны. И очень удобный полигон для спецслужб обоих враждебных друг другу, стремительно наращающих вооружения гигантов.

Но ее откровенно двуличная политика раздражала Ворчакова даже больше, чем ее сидящие в туманном Лондоне «союзные идеологи».

Так что – никакого потакания враждебной экономике и контрабанде.

Только патентованный легальный товар производства Нижегородского фармакологического объединения.

Но все равно – не хотелось...

Ну а в-третьих, вынырнув на секунду из пространства, что располагается между сном и реальностью, он заметил, что напротив, в таком же узком самолетном кресле, сидела самая настоящая мумия.

Полковник непроизвольно вздрогнул.

Отхлебнул глоток поданного заботливой аэрогорничной прохладного шампанского.

Закурил длинную тонкую папиросу «Дюшес» и решил все-таки остановиться на баранине.

Под розмарином.

С гарниром из отварных овощей и капелькой острого турецкого гранатового соуса.

Мумия могла некоторое время подождать.

Как и кокаин – «убивать» им себя, видимо, все равно придется: по прилете в старую столицу ему потребуется повышенная работоспособность и ясный мозг, но сейчас-то зачем?!

Сейчас надо немного поесть и – совершенно обязательно – опохмелиться.

Вождь поймет, он его, в конце концов, не с боевого задания в Москву выдергивал.

А из банального отпуска...

Семилетнее красное «Абрау-Дюрсо», поданное со льда, для этого в высшей степени подходило.

Еще немного, и должно было отпустить.

Только не надо останавливаться.

Один-другой бокал, и в голове снова начинало приятно шуметь.

Можно расслабиться.

А расслабившись – и побеседовать.

Хоть с мумией, хоть с чертом лысым.

Впрочем, мумия и так все время говорила, говорила, говорила.

Поддерживать разговор было не обязательно.

Достаточно просто кивать.

К тому же, как подсказывала постепенно пробуждающаяся память, сразу после баранины, шампанского и папиросы, времени оставалось только на одну-две чашечки дерьмового аэросалонного кофе, сваренного по уродскому американскому рецепту, «в котле», и пары дорожек порошка в уборной, – после чего аэроплан должен был, выпустив шасси, заходить на посадку...

Глава 2

Кофе был давно допит, папироса докурена, дорожки разнюханы, а аэроплан словно и не думал снижаться.

Ходил кругами, словно что-то выискивая, то ныряя к земле, то снова набирая высоту.

Ворчакову стало тревожно: летать он не любил, несмотря на «полетные» сны.

Тем не менее приходилось терпеть и улыбаться.

Положение обязывало.

Жандармский офицер, учил Вождь, – он только во вторую очередь офицер.

А в первую – жандарм.

Со всеми, что называется, вытекающими.

...«Такова се ля ва», как грустно шутил временами один из большеголовых друзей детства и юности Канцлера, подвизавшийся теперь на ниве Имперской пропаганды и агитации.

Неплохо, кстати, подвизавшийся.

Даже что-то эдакое возглавлявший.

Хотя, по-хорошему, – всех бы их, уродов писучих, – да в лагеря...

...Наконец, легкий двухмоторный «Туполев-24АМ» – настоящее произведение русского конструкторского искусства, – вышедшего, что стало редкостью в последнее время, из гражданского конструкторского бюро, а не из жидовской бериевской шарашки, – заложив широкий круг над Строгинской поймой, начал ощутимо и решительно снижаться.

У Инспектора привычно заложило уши, но он продолжал мужественно сохранять лицо и прислушиваться к уже изрядно надоевшему ведьминому бормотанию.

Достала, карга.

– В этом годе, – мумия пошамкала высохшими губами, за которыми прятались ровные и белые, как у шестнадцатилетней девочки, фарфоровые зубы, установленные явно американским стоматологом, – в этом годе, говорят, в Москве ожидают по-особенному жаркого лета...

Голос этой развалины резок, визглив и противен, совсем как у усиленно рекламируемой в Империи лесопилки (производство фирмы «Грязнов, Стельмарк и сыновья», революция в русской деревообработке: компактна, экономична, надежна, удобна в сборке и транспортировке, – отец высоко оценил этот подарок заботливого сына, – но как же она ревет!), он перекрывал даже надсадный гул заходившего на посадку и уже выпустившего шасси двухмоторного аэроплана.

Хорошо еще, что можно было смотреть не в старческий вампирский рот Великой Княгини, чью древность только подчеркивала искусственная белизна фарфора, а в круглое, как на морском корабле, окно аэросалонного иллюминатора.

Там зеленела чистенькая июньская Москва.

Там тянулись недавно обустроенные, прорубленные сквозь византийскую мешанину улочек и переулков, широкие проспекты.

Там разбегались широкими лучами Имперские автобаны.

А неподалеку от угадываемого в дальней дымке сумрачного Кремля горела золотом путеводная звезда храма Христа Спасителя, глядя на которую мумия начала, вполне ожидаемо и как-то мелко, по-крестьянски, креститься.

Ворчаков тихо вздохнул...

...Вообще-то бабка была редкой умницей.

Цивильной витриной, благословительницей новой Имперской России и ее вождей от лица старой, почти целиком расстрелянной проклятыми максималистами русской Императорской Семьи.

У нее был только один недостаток: она была невероятно стара и уже потихоньку начала выживать из ума.

А так – вполне ничего...

В Тушине господина директора встречали.

Так что служба-с.

Исполнение долга перед Отечеством – причина уважительная.

Особенно при его роде деятельности.

А то старая мегера еще могла вызваться до дому подвезти: вежливый молодой человек аристократической наружности, да еще в гвардейском мундире с лазоревыми полковничьими погонами всесильной в наши времена Государственной Имперской Безопасности, старой княгине явно понравился.

А если она, не приведи Господь, узнает, что, будучи до мозга костей петербуржцем, Никита своей квартиры в Москве, какой бы она «деловой и культурной столицей России» ни являлась и какой бы неизъяснимой любовью Вождя ни пользовалась, отродясь не имел?!

Когда его заносило по служебной надобности в этот ужасный византийский город, он останавливался в конструктивистки роскошном новодельном отеле «Москва». Построенном не так давно неподалеку от царского Кремля для вынужденной постоянно мотаться в командировки в ненавистную деловую Москву петербургской элиты чуть ли не по личному распоряжению Верховного.

Если бы она об этом узнала, – княжеского гостеприимства ему было бы не избежать.

И даже то, что полковник проходил по «нерукопожатному» до большевистской смуты и Гражданской войны у русской аристократии жандармскому ведомству, старую бестию не смущало.

Говорили, ей довелось в свое время ненадолго «попасть под большевиков», и даже посидеть в трудовом концлагере имени товарища Троцкого. А уж этот полезный опыт начисто отбивает любую брезгливость по отношению к «лазоревым погонам» государственной имперской безопасности.

– Да-да, княгиня... – слова миловидной компаньонки старой развалины, напротив, пробиваясь сквозь шум моторов, еле-еле слышались, и их приходилось читать по губам.

Впрочем, инспектор как раз хорошо читал по губам.

Его этому учили.

Да и губы компаньонки того стоили.

По таким губам – приятно читать.

А еще приятнее небрежно раздвинуть эти нежные, чуть припухшие лепестки своими твердо очерченными жесткими губами и уверенно проникнуть между ними властным, жадным языком, почувствовав сквозь тонкую ткань блузки, как заполошно бьется крохотное женское сердечко.

Господин полковник даже на секунду задумался и механически поправил изготовленную на заказ форменную фуражку с чуть более высокой, чем позволял устав, тульей, украшенной имперским орлом и сдвоенной сигельруной службы Имперской безопасности. Ворчаков был не гвардейского роста, и ему это легкое нарушение уставной формы одежды – разрешалось.

Впрочем, ему вообще многое разрешалось.

... Тем не менее, лететь после пробуждения было скучно.

Даже запрещенная к изданию и изрядно нашумевшая в свете фантасмагорическая «Дьяволиада» господина Булгакова, которую господин Директор специально попросил в секретной части вверенного ему Четвертого главного управления Имперской безопасности распечатать на машинке и сшить на манер деловой картонной папки (чтобы можно было читать на бесконечных совещаниях), мягко говоря, особо не впечатляла.

И более всего не впечатляла вызвавшая ярое недовольство церковников сюжетная линия Христа.

Неубедительно получилось.

Впрочем, Мастер и сам, говорят, был не особенно доволен текстом.

Собирался переписывать. Поэтому не слишком расстроился, когда уже готовую к печати книгу рассыпала государственная цензура.

Особенно после того как в тот же самый вечер, когда по радио было объявлено о запрете издания «Дьяволиады», премьеру «Театральной пьесы», поставленной в «Эрмитаже» вернувшимся из эмиграции, где ему удалось изрядно прославиться постановкой мюзиклов на Бродвее, жидовским выкрестом Мейерхольдом, почтил своим присутствием сам Местоблюститель, Верховный главнокомандующий, лидер Национал-демократической русской рабочей партии, Вождь русского народа и Канцлер Российской Империи Валентин Петрович Катаев.

И всем сразу стало понятно, что в опале отнюдь не маститый автор, а один из его не самых удачных романов.

Да и то под давлением чрезвычайно консервативных в этом вопросе церковных властей.

Понятно же, что опала объясняется причинами скорее религиозными, чем политическими: Валентин Петрович, будучи человеком выдающегося ума и воистину ангельской терпеливости, раздражать Русскую Православную Церковь не только индустриализацией, но еще и всяческими свободно издающимися «Дьяволиадами» не собирался.

Михаил Афанасьевич, надо думать, тоже относился к данным цензурным намерениям Канцлера как минимум с надлежащим моменту пониманием.

Ведь он был не только знаменитым на весь цивилизованный мир литератором и признанным «наследником Горького и Толстого», но еще и братом любимой жены Вождя.

Синеглазая красавица, слышавшая законодательницей светских мод, Первая Леди Империи, была главным залогом и незыблемым фундаментом его личной безопасности и неприкосновенности: вмешивавшихся в его личные, а тем более семейные дела Вождь, мягко говоря, не жаловал.

Валентин Петрович в личной жизни, в отличие от государевой службы, заслуженно слыл сибаритом, любой дискомфорт в ней считал проявлением враждебности и был в этом вопросе чрезвычайно щепетилен.

Но, – факт остается фактом: несмотря на родственную любовь Вождя и воистину мировую славу автора, «Дьяволиада» считалась литературой запрещенной, за одно ее хранение полагалось пять лет сибирской каторги.

Мастер и Вождь не возражали.

При этом чуть ли не в открытую ее читал и обсуждал весь петербургский, московский и киевский свет, и это придавало атмосфере вокруг последнего творения живого классика еще большую остроту и пикантность.

Господин генеральный директор департамента, Комиссар государственной безопасности Никита Ворчаков, блестящий двадцатидевятилетний офицер, возглавлявший Четвертое управление, хоть и считал Церковь институтом весьма косным и даже временами раздражающим, был в этом показательном смирении заодно и со своим патроном и с его знаменитым родственником-писателем.

Не буди, что называется, лихо.

Вон как они уперлись по куда более важному, чем все сочинения господина Булгакова, «жидовскому вопросу», совершенно справедливо и ясно сформулированному Господином Имперским Советником остзейцем Альфредом Владимировичем Розенбергом.

Просто сказали «нет».

Дальше можно не спорить и не обсуждать: только безумный политик может позволить себе в открытую выступить против Русской Православной Церкви, авторитет которой за годы Гражданской войны и разрухи поднялся до воистину неисповедимых высот.

Позиция церкви была проста и понятна: крещен по православному обряду и знает русский язык – значит русский.

И теперь любому самому гнусному жида, и пьющему народную кровь банкиру, и сутенеру, и контрабандисту, для того чтобы избежать поселения, лагеря или расстрела, достаточно было просто «раскаться», отречься от веры отцов, принять православие и стать «официальным имперским выкрестом».

Потому как, чтобы официально считаться «русским», достаточно двух вещей: совершенного владения государственным языком и крещения по православному обряду.

Вот жида и крестились – с ужасающей скоростью.

А русским языком проживающее в наших палестинах еврейство и без того преотлично владеет...

...И понятно ведь, что слову жидовскому верить нельзя ни при каких обстоятельствах.

И крещению ложному верить нельзя.

Но вот – уперлись церковники.

Просто рогом уперлись, можно сказать.

Вот и ставит жидяра Мейерхольд пиески в своем собственном театре «Эрмитаже», вместо того чтобы лес валить, как положено по «Русской правде», несмотря на то, что своего жидовского происхождения ни от кого не скрывает.

Даже, говорят, – гордится.

Говорит – библейская кровь...

...А недавно, прямо на глазах у господина генерального инспектора, его старого полкового товарища, девицу увел.

Невесту.

Потом бросил, разумеется.

Предварительно надсмеявшись.

Правильно ведь говорят: актеры – сукины дети.

И никак его не достанешь, ублюдка.

Крещен-с.

Против самого-то господина Мейерхольда господин директор, будучи, как уже писалось выше, выпускником и диссертантом Императорского Санкт-Петербургского Университета, и, разумеется, человеком довольно широких взглядов, – вообще ничего личного не имел.

А некоторые его спектакли – обожал.

Так утонченно издеваться над «Белой гвардией» почти что канонизированного Вождем Булакова мог только человек отчаянной отваги и особого дара.

Потомок старинного рода, в котором хватало и настоящих храбрецов, и утонченных безумцев, глава Четвертого главного внутреннего управления Имперской безопасности, аристократ по происхождению и жандарм по призванию, Никита Владимирович Ворчаков такие человеческие качества по-настоящему ценил.

К тому же некоторые молоденькие актрисульки в мейерхольдовском Эрмитаже были – само очарование.

Несмотря на, надо отдать должное, небесспорное происхождение.

Ничуть не хуже, чем, кстати, в столичной, питерской, Особой драматической группе, переименованной некоторое время назад в Большой Императорский драматический театр имени Валентина Катаева.

Вождь, кстати, в тот вечер, когда Санкт-Петербургскому драматическому присвоили его имя, рад и горд был чуть ли не больше, чем в день избрания Канцлером.

А актрисульки у Мейерхольда – и вправду – диво, как хороши.

Есть вкус, ничего не скажешь...

Но все едино, когда тебя фактически принуждают считать существо с таким богопротивным шнобелем чуть ли не равным себе самому...

И только потому, что какой-то тупой деревенский поп святой водичкой на жидовский кумпол побрызгать, сука такая, не побрезговал.

...Все-таки прав Альфред – надо воскрешать старых, несправедливо забытых языческих богов.

И – резать, резать, резать.

Не по праву веры, а – исключительно – по Праву Крови.

Только очистивший себя народ по-настоящему достоин величия.

Языческих же богов надо воскрешать просто потому, что они не возражают, когда от их имени говорят люди...

Не всякие, разумеется, люди.

Сильные.

Гордые...

Русские, одним словом.

Настоящие русские.

Такие настоящие русские люди, каковыми были их далекие предки до рокового иудео-христианского выбора великого князя Владимира, прозванного за предательство арийской славянской крови Равноапостольным...

Аэроплан тем временем жестковато ударился литыми резиновыми шасси о заново забетонированную дорожку Тушинского военно-гражданского аэродрома.

Дернулся.

Подпрыгнул.

Снова ударил колесами о ровный бетон.

Взревел запущенными в обратную сторону для торможения винтами и наконец уже спокойно побегал по полосе, что называется, «навстречу встречающим».

Инспектор усмехнулся.

Канцлер, будучи, несмотря на некоторую сомнительность происхождения (в двадцатые годы отдельные провокаторы говорили даже об изрядной толике жидовской крови, но Ворчаков совершенно точно знал, что это не так), человеком тонкого литературного вкуса, – в молодости писал стихи и, поговаривают, учился у самого академика Ивана Алексеевича Бунина, – ненавидел такие «встречи встречающих» даже в официальных отчетах.

Исключительно за стиль.

И своих помощников к тому приучал, причем, склонного к канцеляризмам юриста Ворчакова, совершенно безжалостно.

И кстати – напрасно.

Не всем быть поэтами.

Некоторым, к примеру, – приходится служить в жандармерии.

Глава 3

...Встречающих было немного, всего две машины, которым разрешили заехать прямо на взлетную полосу.

Зато какие!

Белый, чуть ли не усыпанный бриллиантами «Роллс-Ройс» Великой Княгини, и черный служебный бронированный и хромированный «Пежо»: к моделям этой фирмы лично заказывавший их для Имперской безопасности Канцлер был равнодушен еще с дореволюционных времен.

Одесса.

Столица русской безвкусицы, что ни говори.

Сколько ни называй этот город «южной столицей Империи», сколько ни расселяй и ни расстреливай по оврагам каждого второго пейзажного жиденка, сколько ни размещай их в трудовых лагерях или за чертой оседлости, – отвратительный дух еврейского Привоза останется неистребимым.

Как полужасохшая герань на окне.

Как толстый еврейский мальчик со скрипочкой.

Как чесночный запах после жгучего малороссийского борща с пампушками.

Этот пампушечный стиль Никита – сколько себя помнил – искренне ненавидел.

Проклятые метисы.

Потомки готовых ложиться под любого пана, – хоть ляха, хоть германца, хоть жида, – покорных малороссийских посполитых.

Дурная, испорченная кровь.

И почему-то эта жгучая ненависть проецировалось у полковника в том числе на ни в чем не повинный «Пежо».

Видимо, по ассоциации.

И хотя когда-то на авто именно этой французской марки ездили по России-матушке последние правящие представители столь любезного Верховному выморочного рода Романовых, инспектор, по правде говоря, предпочел бы отечественную «Эмку».

НгАЗ-М1.

Отличную русско-германскую модель, производство которой поставили на поток в Нижегородских механических мастерских бежавшие из Германии недорасстрелянные господами большевистскими комиссарами великолепные инженеры во главе со знаменитым Августом Хорьхом.

Хорошенькая получилась машинка.

Можно даже сказать – отличная.

Резвая.

Ничуть не хуже «пыжика» по комфорту, а уж по ходовым качествам – куда французу до немца. Даже если этот «немец» неожиданно для окружающих стал «русским».

Кстати, – не номинальным русским: нижегородское авто на двух последних парижских технических выставках уверенно занимало первые места именно как «русский» автомобиль.

Есть чем гордиться.

Впрочем, коммунисты оказались достаточно умны, а мы слишком нерасторопны, – поморщившись про себя, признал пестующий в себе чувство справедливости Никита.

И большую часть германских специалистов, отлаживавших почти фордовский по технологиям конвейер в Нижнем Новгороде, большевикам удалось довольно скоро вернуть обратно в Германию: переговоры с ними вел, говорят, чуть ли не лично с каждым, став-

ший незаменимым заместителем Тельмана «то-ва-рисч» Обер-Комиссар Германской Советской республики Лев Давыдович Троцкий.

Один из самых страшных врагов России.

Чуть ли не карикатурный жидяра и большевик.

Самый чудовищный из уже ставших былинными «красных комиссаров», едва не победивших Добровольцев в жестокой Гражданской войне.

Потерпевший незаслуженное, как он считал, поражение, а оттого – еще более опасный и непримиримый.

Его не любили рисовать даже бесстрашные карикатуристы Имперского Телеграфного Агентства, ИМПТА, пародировавшие в своих знаменитых «окнах» самого Верховного.

Их предводитель, не особенно любимый, но искренне уважаемый Вождем декадентский поэт Гумилев, едва не расстрелянный в свое время большевиками, казалось, давно никого не боялся – ни Бога, ни дьявола.

И сам не боялся, и другим не давал.

Они и не боялись.

Чем, кстати, непрестанно бравировали, распространяя обидные шаржи, пожалуй, на всех вождей разрозненного Белого движения.

А вот Троцкого – трусили.

...Как ни издевайся, как ни смейся, как ни шути, – этот стремительный разящий взгляд из-под круглых стеклянных очков вызывал лишь внутренний испуг и моментальное напряжение всех мышц тела: Троцкий и Ленин, проигравшие Гражданскую войну, но по-прежнему непобежденные, никогда не казались смешными ни для кого из победителей.

Потому что это были подлинные гении зла.

Инферно. В чистом виде инферно.

И им, надо сказать, в лице трудолюбивого и дисциплинированного германского народа, достался отличный материал для их адской постройки.

Большевистская промышленность Германии восстала из руин едва ли не быстрее Русской Имперской, пусть и жесточайшей ценой концлагерей, трудовых армий и постоянно голодающего населения.

Европейское автомобилестроение должно быть благодарно Тельману, ненавидящему всяческую роскошь и считающему постыдным любые ее проявления, лишь оттого и запретившего разработку и производство машин повышенной комфортности. Иначе оно было бы безжалостно разорено германским государственным автомобилестроительным монстром, построенным прямым распоряжением камрада Тельмана на базе баварских авиамоторных мастерских в когда-то чистеньком Мюнхене.

На массовое производство «народных автомобилей» Германской социалистической республики конкуренты пока посматривали свысока: слишком уж неудобная ниша.

Но их танки и самолеты уже были лучшими в Европе.

Это Ворчаков признавал.

И не только Ворчаков.

Слава богу, умных людей в Империи пока достаточно...

...Правда, и Имперской промышленности тоже есть чем гордиться.

Новые разработки Туполева, Сикорского, Лавочкина и Поликарпова не просто впечатляли. Они могли даже изменить сам характер будущей войны: особенно в этом отношении радовали боевые вертолеты русского патриота и соратника Вождя в партийном строительстве Игоря Ивановича Сикорского, переименованные им недавно патриотически в «винтолеты».

Да и танки были хороши, не говоря уж о сверхсекретных реактивных минометах, Ворчаков присутствовал при их испытаниях.

Особенно впечатлил осмотр места попадания залпа: буквально выжженная земля.

И это была еще не главная новая военная разработка: имперские физики в закрытых сибирских лабораториях уже несколько лет пытались приручить энергию расщепленного атома.

И у них это неплохо получалось.

Но имперской промышленности мешала чрезмерная щепетильность в отношении частной собственности. Что, конечно, было вполне объяснимо после жестокой Гражданской войны, – иначе за что было бороться с «красными», – это даже Верховный признавал, хоть и был настоящим национал-социалистом.

Но немцам с их командной экономикой было намного легче.

Помогала, безусловно, и традиционная германская приверженность к порядку и дисциплине. Ворчаков хотел бы посмотреть на того же Либкнехта, если бы тот строил свои гидроэлектростанции не на Рейне, а скажем, на вольном малороссийском Днепре.

Сколько бы они там народу угробили, с их варварским отношением к любой человеческой жизни.

Н-да...

Упаси Господь...

Никита перекрестился.

И неожиданно зевнул.

Хотел было перекрестить как в детстве – испуганно – рот, но отчего-то постеснялся...

...Когда Троцкий с Тельманом внедрили разработанный сбежавшим к Троцкому марксистским теоретиком Бухариным план революционного НЭПа, признававший мелкую буржуазию и трудовое крестьянство попутчиком и союзником передового пролетариата, – уровень жизни в Красной Германии стал уже вровень с ведущими государствами Европы.

Хотя и был пока еще чуть ниже, чем у Имперских Англии и России, подлинных владык и вечных соперников не только старого континента, но и всего по-прежнему наглухо разъединенного человечества...

...Инспектор церемонно попрощался с Княгиней и ее хорошенькой компаньонкой, приложившись старообразно к ручкам. И незаметно сунул внезапно вспыхнувшей компаньонке написанную в туалете аэроплана записочку.

Очень, надо сказать, аккуратно.

Жандарм все-таки.

За обшлаг рукава строгого платья, окружавший предательски повлажневшую ладошку.

И пошел, точнее, побежал, – стремительно вниз, по легкому конструктивистскому трапу, у основания которого его уже ожидал затянутый в черное порученец.

Ну – вот...

...Отпуск, полный яркого крымского солнца, холодного белого вина, эстетских стихов господина Волошина на ночных дорожках южного парка и загадочных влюбленных глаз, по-отпускному свободных столичных красавиц, становившихся такими неожиданно доступными в тенистой зелени, закончился, не дойдя до высшей точки.

Верховному Канцлеру Российской Империи вновь срочно понадобилась одна из его лучших ищек в этом душном византийском городе – на праздновании пятнадцатилетия вступления в Златоглавую знаменитого Первого Ясского добровольческого полка.

Иногда Никита с иронией думал, что, возможно, для России было бы лучше, если бы в Гражданскую одолели господа максималисты.

«Красные».

Эти по крайней мере понимали чего хотели, и у них была хоть и человеконенавистническая, но вполне реализуемая программа.

А еще у них было единство взглядов.

И как следует из вышесказанного, пусть и не шибко грамотное, особенно после чуть ли не насильственной «командировки» товарища Троцкого в Красную Германию, – но все-таки единое руководство.

«Белые» же умудрились перегрызться сразу после того, как опальные ныне «дрозды» впечатали свой твердый гвардейский шаг в древнюю брусчатку древней площади древней столицы России.

Будучи фронтовым офицером и георгиевским кавалером, чуть не выхаркавшим собственные легкие после отравления германскими боевыми газами в мировую войну, Вождь не питал иллюзий по отношению к этой малонадежной и совершенно не ведающей страха и уважения публике.

И особенно – к «ясским дроздам», расквартированным еще указом адмирала Колчака почему-то именно в Москве.

Слишком много ненужной фронды, слишком много излишней «гвардейскости».

То ли город такой, то ли еще что.

В новой, имперской и империалистической, стремительно развивающейся индустриальной и «железной» России, это московское фанфаронство было бесполезно, а следовательно, должно было давно уже кануть во все размывающую Лету.

Но – так и не кануло.

Государственные праздники положено чтить, хотя бы в чисто агитационных целях. Вот потому-то на них Вождю нужны были самые бдительные, самые преданные, самые проверенные ищейки.

«Дрозды», естественно, не были врагами.

Ни Канцлера, ни – тем более – России.

Они были ее прошлым, а прошлое должно умереть.

Во имя будущего.

...«Пежо», попетляв по тушинским деревенским переулкам, выскочил наконец на широкое и прямое, как стрела, засыпанное июльским тополиным снегом Санкт-Петербургское шоссе, проложенное по личному распоряжению Верховного до Манежной площади. Здесь высилась, пугая обитателей древних кривых переулков, свежоотстроенная, оборудованная по последним американским конструктивистским стандартам и облюбованная привередливым питерским чиновничеством гостиница «Москва».

Господин директор Четвертого главного управления намеревался заселиться в гостиничный номер, принять душ и только после этого идти с инспекцией в московскую резиденцию Катаева.

То, что там и так все в порядке, он и без инспекции прекрасно знал: москвичи расшибутся в лепешку, но в грязь лицом перед Валентином Петровичем не ударят.

Хоть, признаться, Вождя и недолюбливают, в том числе за возвращение столицы в Питер.

Такой уж город.

Бывшая царская и бывшая большевистская столица.

Ревнивица.

...Его план, разумеется, пошел к черту: в просторном, отделанном хромом и мрамором вестибюле отеля его уже ожидала очередная «комиссия по встрече».

Грузный человек в штатском, московский начальник службы охраны Имперских резиденций, – насколько профессиональный, настолько же политически незначительный.

И худощавый очкастый грузин с погонами русского жандармского полковника, возглавлявший Имперское ведомство по делам национальных меньшинств и исправительных учреждений.

Короче, главный имперский тюремщик.

Бывший большевик и негодяй.

Негодяя звали Лаврентий Берия, и Никита его искренне, хотя и в основном заочно, ненавидел.

По праву происхождения – из семьи потомственных петербургских интеллигентов. Семьи, дружившей в том числе с семьями людей, оказавшихся, несмотря на блестящее образование и воспитание, расово и духовно неполноценными. И оттого поступивших в полное распоряжение ведомства этого вынырнувшего на волне революции и контрреволюции рыбоглазого очкастого и расово неполноценного чудовища.

Короче – да, ненавидел.

Но уважал.

Порядок в поселениях у инородцев поддерживался идеальный. А конструкторские бюро живших на тюремном положении еврейских ученых и инженеров, которых Верховный вначале хотел депортировать, оказались очень полезны, в том числе для отечественной оборонной промышленности.

Никита поморщился.

Многие жида в знаменитых «шарашках» – активно принимали православие.

И тем самым становились полноценными гражданами Новой России: сломить сопротивление возрожденного большевиками Патриархата пока не удалось. Церковники на правах новообращенных стояли твердо: многие иерархи и сами несли в себе изрядную долю поганой жидовской крови.

Новая партийная секретная служба под руководством Розенберга это успешно доказала, а Альфреду Владимировичу в еврейском вопросе можно было верить даже больше, чем самому себе: жидовско-большевистская камарилья погубила родину его предков, Германию.

И утвердилась в маленькой Эстонии, где он когда-то родился.

Гибели своей собственной «большой родины», любимой с детства России этот наполовину остзейский немец – наполовину французский гугенот с большой русской душой не мог допустить даже ценой утраты собственной жизни, – в этом Никита был уверен.

И вообще – Альфред ему нравился.

Они быстро сдружились, договорившись в том числе помогать друг другу по службе.

Но место в государственной иерархии, на которое они метили назначить Альфреда, занял этот деловитый и очкастый грузинский выблядок.

Тот самый Лаврентий Павлович Берия, которого Верховный теперь умилительно похлопывает по плечу и полупочтительно-полуфамильярно называет Палычем.

Никита снова поморщился.

Панибратство с инородцем, пусть и принявшим православие, его бесило, будь он, этот Берия, хоть трижды незаменимый.

Все равно – враг.

Не может не быть врагом, потому что инородец.

Мингрел.

Почти что – грузинский еврей...

Что ж, разберемся и с этим вопросом. Альфредовы выкладки и подсчеты выглядят вполне убедительно.

Великая Империя славянской и германской наций, а также патронируемых ими народов, предстает в них отнюдь не сияющей мечтой, а вполне реализуемым проектом.

И Верховный рано или поздно дрогнет.

Вопрос времени...

Привычным небрежным жестом «от сердца к солнцу» Никита вскинул руку в партийном приветствии, потом кивнул Лаврентию и поманил полового заказать крепчайший ита-

льянский кофе, к которому приучился в союзном Риме, у неистового Дуче Муссолини, вождя безалаберной, но искренне любимой Италии.

Душ и отдых, похоже, отменялись.

Берия не тот человек, его не следовало заставлять себя ждать.

Вождь не напрасно настаивал на скорейшем прибытии Ворчакова в Москву: кажется, ему и вправду предстояла важная и крайне интересная работа...

Глава 4

Когда они наконец обменялись рукопожатиями, Ворчаков вновь с удивлением глянул на Берию:

– Вас-то, Лаврентий Павлович, в наши края каким ветром занесло? Или с нацменами уже все в порядке, не бузят?!

Термин, характеризующий представителей национальных меньшинств и придуманный обладавшим несомненным литературным талантом Канцлером, Ворчаков упомянул сознательно.

Хотелось именно оскорбить. «На тоненького», как в бильярде...

Берия, разумеется, понял.

Вздыхнул.

Поправил вечно мятый бело-голубой жандармский мундир, который предпочитал любой другой одежде.

Говорили, что у этого мужиковатого и грубого неряхи настоящая красавица и чуть ли не подлинная аристократка жена, Нина.

За ней многие пытались ухаживать.

И как только терпит?!

– Отчего же не бузят? – блеснит стеклышками старомодных круглых очков. – Бузят. И будут бузить, пока ваше ведомство столь успешно ловит подпольных зачинщиков. Лидеры-то, извините, на свободе. И не только в Германии...

Никита поморщился.

Доля правды в словах бывшего максималиста была.

Но какого, спрашивается, черта?!

– Так какого такого лешего, – произнес вслух, – вы здесь сидите?! Или работы мало?!

Берия вздохнул, поморщился.

– Если вы думаете, что общение с вами, Никита Владимирович, доставляет мне хоть малейшее удовольствие, вы глубоко и обидно заблуждаетесь. А сижу я здесь, как вы изволите выражаться, по личному распоряжению Канцлера. Валентин Петрович велел вам передать, что на празднование пятидесятилетия победы в Москву будет конвоирован содержащийся под домашним арестом Объект № 4. «Дед». Или, если угодно, «Старик». Будет во время парада иметь честь стоять непосредственно в двух шагах от Верховного главнокомандующего. А нам с вами приказано предусмотреть все мыслимые меры безопасности. И для него. И – разумеется, – от него. У этого отставника друзей до сих пор больше, чем нам бы с вами хотелось. И они неплохо вооружены...

Никита – задохнулся.

Ему захотелось грязно, по-мужицки, выматериться. Еще бы...

– Вы чем там, у себя в охранке, думаете?!

Лаврентий демонстративно пожал узкими покатыми плечами, поджал тонкие, бледные, совершенно не южные губы, прищурил рыбы глаза.

– Вопрос не ко мне, – говорит сухо, – а непосредственно к Верховному. Его личное распоряжение. Смею напомнить, Москву в Гражданскую брал именно Старик. А Валентин Петрович тогда командовал бронеплощадкой у Деникина. Они знакомы. Да и не опасен Дед давно. Сидит у себя в Переделкине под нашим наблюдением. Мемуары пишет. «В огне гражданской войны», если мне верно доложили. Да и какая разница! Это уже прошлое. Реликт. Ну, постоит с Вождем на трибуне, примет парад. Подумаешь. Лично меня куда больше германские большевики беспокоят. И финансируемый ими Ком-ин-терн. Во главе с товарищем Троцким, с которым я, как вы понимаете, лично знаком. А также с его доверенным

лицом товарищем Яковом Блюмкиным. А прощать Лев Давидович, представьте себе, так и не научился. А их диверсионные группы...

– Меня тоже, – буркнул, остывая, Никита, – тоже беспокоят. «Дед» для них – давняя и вечная мишень. А уж на пару с Фюрером...

Берия хохотнул.

– С Фюрером, говорите?! Привет Альфреду Вольдемаровичу. Передайте ему при случае мое полное и безмерное уважение. А если серьезно – тут я с вами согласен. Мое ведомство, как вы выражаетесь, давно поняло, что надо не власть от Старика охранять, а самого Старика от господ мак-си-ма-ли-стов. И если посмотреть на это дело под таким необычным углом, легко понять, что мы с вами, господин генеральный инспектор, в данном конкретном случае – «в одной лодке». Так что, давайте, приводите себя в порядок и через пару часов извольте прибыть в Кремль. На совместное совещание. Свою безопасность Валентин Петрович, насколько я понимаю, доверил вам...

Никита вздохнул, кивая.

Прав, прав проклятый лысый грузин.

Несмотря на все подколки в адрес Розенберга.

Как он сказал? «В одной лодке»? Да не то слово!

В одной, можно сказать, субмарине...

...Глава страшного Четвертого управления, потомственный аристократ и холодный, умный жандарм Никита Владимирович Ворчаков решительно поднялся из удобного американского кресла.

Одернул китель.

Протянул руку невысокому, плотному грузину, прячущему рыбы глаза за круглыми старомодными очками.

– Благодарю вас, Лаврентий Павлович. Принимается.

Глава 5

...До Кремля Ворчаков решил прогуляться пешком.

Лето в этом году и вправду выдалось необыкновенно жарким, но светлый форменный френч с лазоревыми петлицами госбезопасности почему-то вовсе не тяготил.

А легкие платья неспешно прогуливающих москвичек с вошедшими не так давно в моду открытыми плечами, как у сарафанов, так радовали глаз, что он, взглянув на часы, решил не торопиться и не спеша перекурить на лавочке у Василия Блаженного.

Посидеть. Подумать. Осмотреться.

Посмотреть было на что, даже помимо голоногих и голоплечих барышень, к которым холостой красавец Ворчаков был, разумеется, неравнодушен.

Оттого так долго и не женился.

Не понимал, как можно променять такое прекрасное разнообразие на одну, пусть даже самую дорогую и обожаемую.

К тому же здравый смысл и наблюдательность профессионального юриста подсказывали, что любое нежное создание с течением времени рискует превратиться в совершеннейшую корову.

А разводов ни Церковь, ни – почему-то – Канцлер, не одобряли.

...А барышни между тем даже не смотрели сейчас в сторону молодого красавца-жандарма: в древнюю брусчатку Красной площади вбивал твердый шаг, репетирующий скорый парадный проход, Первый Гвардейский Ясский полк, «черномундирники», краса и гордость Русской Имперской армии, элита элит.

Ворчаков невольно поморщился.

Это – прошлое, напомнил он себе.

Прекрасное, благородное прошлое.

Прошлое, презирающее тех, кто кланялся пулям.

Прошлое, готовое скорее умереть, чем победить.

«Добровольчество – добрая воля к смерти».

В Новой России подобная прыщавая романтика должна быть безжалостно уничтожена. Новая Империя должна не красиво умирать, а побеждать, красиво умирают пусть другие.

Ее враги.

Генеральный директор Четвертого главного управления не любил ни декадентское мужество Гумилева, ни манерность бежавшей от него в Париж прежней супруги Горенко, ни тем более истеричность стремительно входящей в моду шизофренички Цветаевой.

«Белый стан – белый стон».

Или как там?

ТЬфу...

...Хорошо еще, поют, сволочи, правильно. То, что нужно.

Из тайги, тайги дремучей
От Амура, от реки
Молчаливой грозной тучей
Шли на бой сибиряки.

Их сурово воспитала
Молчаливая тайга
Бури грозные Байкала
И сибирские снега...

Мда, так вот и проходит мирская слава...

Вовремя перебежавший под крыло Валентина Петровича генерал-майор Туркул сейчас командует в Туркестане.

И имеет вполне реальные виды на Генеральный штаб.

А сам Старик, настоящий герой тех страшных лет, стал безымянным Объектом № 4, точнее, Врагом Империи № 4.

Сразу после Троцкого, Ленина и Якова Блюмкина.

И содержится под негласным домашним арестом: без жены, без детей, в обществе трех подавших вместе с ним в отставку преданных офицеров, ну и многочисленных бериевских соглядатаев.

Что ж, такова жизнь.

Туркул тоже наверняка приедет на празднование Победы.

Будет забавно понаблюдать встречу старых боевых товарищей.

И усталости не зная,
Бьются ночь и бьются день,
Только серая папаха
Лихо сбита набекрень.

Ворчаков вздохнул, отщелкнул гильзу докуренной папиросы точно в стоящую неподалеку урну, одернул френч и решительным шагом направился к Боровицким воротам, где предъявил пропуск-вездеход с фотографической карточкой владельца и уверенно проследовал в Большой Кремлевский Дворец, на совещание.

А песня все звучала и звучала...

Знай, Сибирь, в лихие годы
В память славной старины
Честь великого народа
Отстоят твои сыны.

Русь свободная воскреснет,
Нашей верою горя.
И услышат эту песню
Стены древнего Кремля.

Глава 6

Больше всего инспектора поразило, что рутинное совещание по безопасности в дни празднования Победы в Гражданской войне посетил внезапно прибывший раньше срока в старую столицу Верховный.

Высокий, чуть грузноватый, обритый наголо, с тоненькой ниточкой заботливо выстриженных усов, в черном полувоенном френче с двумя георгиевскими крестами за Мировую войну и с крупными «волчьими» ушами, отделяющимися от породистого черепа, Валентин Петрович вошел в совещательную комнату своей резкой, быстрой походкой, чуть приволакивая искалеченную на той же войне ногу.

И уселся не во главе стола, где сверкал стеклышками своих очков Лаврентий, а с самого краю.

В опасной близости от самого Ворчакова.

Никита Вождя искренне любил и ценил, и если бы потребовалось, он без раздумий отдал бы за него свою бесценную молодую жизнь. Но за несколько лет совместной работы господин генеральный директор прекрасно научился различать даже самые малозаметные оттенки настроения канцлера, и потому сейчас он его, мягко говоря, – опасался.

Валентин Петрович тем временем продолжал мрачно разглядывать собравшихся своими огромными, чуть на выкате, внимательными южными глазами.

Потом неожиданно резко прищурился, еще немного помолчал, отчего воцарившаяся в совещательной комнате тишина стала совершенно оглушительной.

А потом коротко пробарабанил пальцами по столешнице ритмически сложную музыкальную фразу и резко, неприятно, коротко ухмыльнулся.

– Это американский негритянский спиричуэл, – проговорил, словно выплевывая слова, своей, уже знаменитой на весь европейский мир по радиовыступлениям, глуховатой, отрывистой речью с чуть заметным южным акцентом. – Якобы модифицированное священное песнопение. Или, как сейчас модно выражаться, джаз. Мерзкая музыка мерзких черных недочеловеков. Которую тем не менее мы обязаны знать и охранять, раз уж взяли на себя обязательства знать и охранять культуру. Да-с. Даже такую. Композиция «Туман на родных берегах». Ни автора, ни исполнительницу, признаться, не помню. Но не в этом дело. С этой вещицей связано нечто необычное и опасное для Империи. Ее название нам удалось перехватить сразу в нескольких шифровках, по радио и с курьерами. И есть подозрение, что одна из радиошифровок предназначалась Объекту номер четыре. Конечно, подозрение – еще не факт. Но тем не менее, тем не менее... Что сие значит, мне неизвестно. А вот вы должны выяснить. И немедленно доложить. Честь имею.

И удалился, слегка приволакивая правую ногу, что, как было известно в высших партийных и государственных кругах новой Российской Империи, выдавало крайнюю степень волнения. В обычное время Вождь за своей походкой тщательно следил: раны почетны, но Вожди не имеют права на слабость.

Никита и Лаврентий переглянулись. У Катаева, помимо официальных, были какие-то свои, никому не известные источники информации.

В принципе, это нормально: управление, возглавляемое Ворчаковым, подчинялось непосредственно Вождю, ему же и адресовались основные доклады. Ну, а с какими из остальных служб делиться или не делиться принесенной ищейками полковника Ворчакова информацией, – решал сам Валентин Петрович и никто иной, даже из числа ближайших помощников и советников.

И потом, у Валентина Петровича порой случались гениальные озарения, во время которых он неожиданно мог увязать в единую концепцию, казалось бы, совершенно разрозненные факты.

И с этим стоило считаться: Канцлер сам ошибался крайне редко, а чужие ошибки карал жестко, даже самодурски.

Особенно – если он о них предупреждал.

Забывавшие о предупреждении жили коротко и не очень счастливо.

А умирали, согласно блуждавшим по Империи глухим, невнятным шепоткам, мучительно.

Разумеется – это были всего лишь слухи. Или глупые бабьи сплетни.

Но проверять на собственной шкуре эти байки ни Никите, ни Лаврентию не хотелось.

Глава 7

Дальше совещание шло скучно и даже рутинно.

Начальник Кремлевской охраны доложил расстановку постов в будние и праздничные дни, привычно попеняв, что черная форма бойцов охраны ничем, кроме цвета погон и петлиц, неотличима от формы армейских гвардейцев.

Это доставляло неудобства и тем и другим, и вносило в действия охранных подразделений, особенно в ночное время, ненужную путаницу.

Никита привычно согласился и привычно же взял на карандаш.

За несколько дней эту проблему все равно не решишь, да и не стоит она того, чтобы на нее сейчас отвлекаться.

Лаврентий непрерывно курил тонкие, почти дамские папиросы, и злобно зыркал поверх круглых стекол на присутствующих, думая при этом о чем-то о своем.

В ближайшие недели с ним придется тесно сотрудничать: Вождь, как уже сказано выше, ошибок не любил и ошибающихся не прощал.

У него была любимая фраза, мол, если придется выбирать, он предпочтет работать с законченными подонками, чем с круглыми идиотами.

А тут еще этот чертов спиричуэл, сложный ритм которого Никита сразу и не уловил.

Интересно, что это может быть?

Условный сигнал? Вряд ли, слишком сложно.

Условный сигнал должен к чему-то призывать, и это «что-то» – либо теракт, либо диверсия. И чтобы его подать, достаточно взмаха платком из окошка.

Условный же сигнал по радио – исключительно для массовых действий, которые в современной России, в том числе стараниями участников нынешнего совещания, вообще невозможны.

Нет таких политических сил, которые могли бы подобного рода действия осуществлять и планировать.

Значит – шифр.

А это плохо, очень плохо.

Мы и с германскими, да чего там с германскими – с англосаксонскими криптограммами справляемся с огромным трудом. Шифровальщики с ума сходят, требуя скоростные счетные машины, которых у нас просто-напросто нет.

Мы же не англичане, отстаем.

Но если *они* научились кодировать информацию, маскируя ее под мелодию, это уже совсем нехорошо.

Тогда понятен смысл посылки курьеров: шифrogramму надо не только передать, но и принять, а самое главное – понять. На перехвате курьеров с «ключом» и надобно будет сосредоточиться.

Охрану и без Никиты организуют.

Но тогда в чем заключается роль главного тюремщика Лаврентия?!

Видимо, вождь считает, что курьер должен появиться в окружении опального Старика!

А более удобного момента, чем торжества по случаю Победы, на которые почетного пленника и арестанта вывезут, – и быть не может!

...Когда они вышли на свежий воздух, Ворчаков вполголоса поделился своей догадкой с Берией.

Тот кивнул.

– Возможно. Но я бы не исключал и попытки террористического акта. Господа максималисты и примкнувшая к ним шваль не делают большой разницы между Вождем и Ста-

риком. Оба для них – злейшие враги. Причем, неизвестно, кто хуже. С Вождем коммунистическая Германия вынуждена поддерживать дипломатические отношения. А Дед – просто враг. Но для коминтерновцев в этом нет особой разницы. В конце концов, на параде Победы Валентин Петрович со Стариком будут стоять на расстоянии вытянутой руки на одной трибуне. Поверьте, для бомбиста – лучше не придумаешь. Одной бомбой...

Никита задумчиво полез в карман за папиросами.

– Исключать, конечно, ничего нельзя, – вздохнул, прикуривая. – Вообще ничего. Особенно при таком скоплении публики. Каждую сумочку не обыщешь. А если еще учесть неистребимое желание Вождя общаться с народом... Впрочем, это рутина. У меня все из головы не идет отстуканная по столешнице джазовая композиция. Как там бишь ее, «Туман на родных берегах»? Вы ее хотя бы слышали?

Берия отрицательно покачал головой, а потом, для верности, развел руками:

– Извините, не довелось. Я вообще с недоверием отношусь к подобной музыке. Как, кстати, и Канцлер...

Никита рассмеялся.

– А вот это вы напрасно. Канцлер очень любит джаз, полковник. Поверьте, в этом нет ничего зазорного, мы ведь с вами тоже с удовольствием наблюдаем, как забавно гримасничают обезьянки в зоосаду. Просто стесняемся в этом признаться. Я – не стесняюсь. Но именно этой композиции слышать мне почему-то не довелось. Вы, кстати, не подскажете, Лаврентий, есть ли в Москве ресторация, где может играть хорошая джаз-банда?! Эти музыканты внимательно следят за новинками, можно попробовать заказать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.